

Владимир Соболев

НА ОБОЧИНЕ ВРЕМЕНИ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С54

Серия «Кафе „Сайгон“»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Соболь, Владимир Александрович

С54 На обочине времени / Владимир Соболь. — Москва: АСТ, 2015. — 510, [1] с. — (Кафе «Сайгон»).

ISBN 978-5-17-089336-2

«Кто вы такие? Вас здесь не ждут!»

Каждое поколение, приходящее в мир, слышит этот грубый оклик, жестко сформулированный Владимиром Высоцким, и каждая новая генерация повторяет путь, пройденный их старшими братьями, отцами и дедами.

Герои этого ностальгического романа — молодые люди, живущие в 70-е годы прошлого века. Ученые, инженеры, прозаики, поэты, художники — все они пытаются найти свое место в жизни, прорваться к свету в асфальтово-кирпичных ущельях огромного мегаполиса.

Обычные трудности молодых людей, только начинающих жить и пытающихся понять «делать им жизнь с кого», усугубляются социальной ситуацией: гнетом тоталитарного государства. Далеко не все сумели «пробиться», многие так и остались на дне, а некоторые погибли в буквальном смысле этого слова. Но Борис Гомельский, ведущий повествование, все-таки выжил и сумел занять достойное место в обществе. И теперь он оглядывается назад, пытаясь понять: почему же именно ему выпала такая удача? Он был не самый умный, не самый талантливый, но — все-таки выдержал испытания, которые подбрасывала ему судьба.

Подписано в печать 25.01.15.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж

Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Владимир Соболь, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Автор сердечно благодарит
Ольгу Миклухо-Маклай и Александра Мазина

Кто вы такие?
Вас здесь не ждут...

В. Высоцкий

Мы в своем ли отечестве?
Мы в родной ли стране?

Пончо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

I

Прошлое не умирает. Оно живет, оно существует рядом с нами, таится до поры до времени, но дышит нам в затылок, щекочет шею, подталкивает в спину, а порой — лупит наотмашь.

Я понял это сегодня, когда увидел картину Крюгера. Вдруг сделалось трудно дышать. Даже не трудно, а — невозможно. Словно бы, как в юности на ринге, ловкий противник развел мне руки искусным финтом, а потом акцентированным прямым пробил пресс у солнечного сплетения. Собственно, двадцать лет назад история эта и началась — осенью тысяча девятьсот семьдесят первого года. Но еще вчера я думал, что она уже и закончилась — спустя восемь лет, осенью семьдесят девятого года. Сгорела в пламени, в страшном пожаре, обуглившем не только тех, кто погиб, но и жизни тех, кто остался. Но нынче я понял, как был неправ. Никто не пропадает, никому не удастся уйти навсегда, насовсем, бесследно. А поэтому я и торчу здесь, в пустом, сыром и холодном кафе на углу Большого проспекта и улицы Ленина. Примостился за зеленым обшарпанным столиком, который помню даже несколько больше — без малого четверть века. Сижу, потягиваю из стакана кислое вино, если верить этикетке — грузинское. Тяну глоток за глотком и рассказываю вам, моя милая, историю моей суматошной жизни.

Кто я? Сказать по совести — так до сих пор и не понял. Мне проще объяснить — что я такое. Мне сорок лет, я женат, сыну недавно исполнилось десять. Мы с ним оба майские. Я маюсь всю жизнь, по крайней мере, первую ее половину. Боюсь, что и Кириллу предстоит то же самое. Хотя — после событий этого августа — не слишком представляю — в какой стране ему доведется жить... Я — пока доцент Политехнического института, занимаюсь физикой, правда, прикладной. Ну вам объяснять подробно не буду — все равно не поймете. Извините за резкость, но не люблю растрачивать слова напрасну. Да и какая разница — чем я зарабатываю себе на хлеб с маслом! Важно другое — сегодня я увидел картину. Понимаете — холст с красками!.. Да, не первую в своей жизни. Далеко, могу вас уверить, не первую. Но этой не должно было быть. Никогда. Она, видите ли, сгорела. Рассыпалась пеплом — в том числе и рама, которую я, между прочим, собирал самолично. Горстка пыли; да и той не осталась после потоков воды, которыми пожарные промыли горевшие комнаты. Но вот висит, я видел ее и трогал. Даже окантовка, представьте, осталась та же. Думаете, я не узнаю свою работу?

А мог же ее пропустить. Ведь сегодня у Катькиного садика я оказался совершенно случайно. Ездили с женой вчера в гости, и перебрал слегка. Да, если уж начистоту, то напился как следует... Повод?.. Да какой нужен нам повод, чтобы дернуть дюжину стопок. Знаете, ощутил вдруг, что жизнь — проходит. Вот так — просачивается меж растопыренных пальцев. Ну и... А сегодня поднялся и понял, что на кафедре мне делать нечего. Лекций, слава богу, сегодня нет, а коллег пугать своим видом и выхлопом — как-то несообразно. Но, коли сумел подняться, решил, что все-таки потрачу часы не впустую. И поехал в Публичку. Решил устроить библиотечный день. Надо же когда-нибудь и посидеть, полистать журналы, подумать.

Прогулялся от Владимирской через мост Ломоносова, развеялся немного в осеннем питерском воздухе. А подойдя к скверику, увидел — столпотворение. Давно я не был здесь, забурел рядом со своими образцами и приборными стойками. Даже не предполагал, что здесь развернули такую выставку. Эрмитаж или Русский музей под открытым небом... Конечно,

скорее второе, вы правы. Любите Русский?.. Эрмитаж больше?.. Возможно, вы правы. Чужое нам как-то ближе... Я решил обойти весь периметр, ничего хорошего не обнаружил и собрался уже скрыться в библиотеку, как вдруг уголком глаза, периферийным зрением, поймал эту картину...

Она висела напротив Публички, сразу у входа в сад, прямо на решетке ограды. А я уже разогнался, но все-таки боковым зрением ухватил нечто донельзя знакомое. Затормозил, еще не понимая, что же меня зацепило, вернулся, протиснулся между лотком и стендом и стал, не веря своим глазам. Небольшой холст, пятьдесят на восемьдесят, как я помнил. Только одна фигура, почти портрет, — прижавшийся к грязной стене Пьеро с боязливым недоумением заглядывал за приоткрытую дверь. Створка шла на зрителя, и никто не видел происходящее в доме, только луч света, прорезая мрачный, ржаво-коричневый фон, выхватывал из темноты одутловатое лицо и белый колпачок с помпоном. Меня словно шарахнули по голове дубинкой. Не могло быть двух работ столь похожих, но та, которую я помнил, никак не могла спастись после...

— Если хотите купить...

Я развернулся, прихватывая ладонью тронувшую меня руку, но там, где, помнилось мне, крючковатый нос загибался над узкой прорезью рта, увидел лишь живот, обтянутый дециметрами потрепанной свиной кожи. А чтобы увидеть обрюзгшее лицо с обвисающими мясистыми щеками, мне пришлось приподнять свою тяжелую голову.

— Десять баксов. Почти даром отдам...

Я молча рассматривал парня. Он не только ничем не напоминал Юрку, он вообще мало походил на человека, способного сотворить что-либо, кроме пакости. Выдержав паузу, я кивнул на картину.

— Где?

— Отошел ненадолго. Обещал вернуться часа через три. Ну, будете брать?

— Подожду хозяина.

— Меньше не возьмет, не надейтесь.

Он меня уже раскусил, вычислил и понял, что в моем за-
гашнике не отыщет не только долларов, но даже эквивалента

в родных деревянных. Мне говорили, что при передаче из кармана в карман курс колебался около двадцати. Двести целковых — три четверти моего заработка. И все это отдать за кусок слегка подмалеванного холста?.. Память свою я расценивал куда как дороже, только никак не мог прикинуть порядок величины и уяснить: то ли я за нее должен раскошелиться, то ли мне еще кто-то приплатит с лихвой...

Мне показалось, я кое-что придумал, но не успел приоткрыть рот, как на щеку упала капля, за ней другая. Со стороны Думы, стелясь над крышами, напозла на нас плотная иссиня-черная туча. Парень заметался, укутывая товар полиэтиленовыми накидками. Я тоже заспешил к подъезду. И только потянул на себя тяжелую резную дверь, как вдруг прямо над площадью небо раскололось, ослепив меня, оглушив, и стена воды поднялась за спиной, отгородив и от этого блошиного рынка с деревянными Михаилами и сусальными Николаями, и от слишком памятного мне уродливого Пьеро...

II

Такой же ливень хлынул на город в столь памятный осенний день. Будничный сентябрьский полдень, с которого и начала мотаться в клубок диковинная история моей жизни. История, что оборвалась через восемь лет коротким и страшным ударом. Все кончилось, почудилось мне тогда. И только теперь, когда невесть откуда объявился пропавший Пьеро, понял я, что ничто в нашем существовании не прекращается, а только замирает на время. Отходит подальше от чужих, любопытствующих глаз, как сторонняя линия в пьесе, прячется за кулисы, тянется незаметно рядом; караулит нас, чтобы потом, выбрав момент, потребовать точного и окончательного расчета.

Долго я шел рядом с участниками этой драмы; где наблюдал, где и сам в эпизодах появлялся на сцене. Потом из партера передвинулся на дальний ярус, но все еще косился в их сторону, потом... Потом перестал и оглядываться. Никого и ничего не осталось мне караулить. Канули люди, и картина канула, и жизнь моя рванула вдруг, повернув под прямым

углом. Все разошлись, разбежались налево, направо, вверх, вниз; кто-то остался, да от него уже не дождешься ни единого слова. Никому из нас не прожить дольше положенного, никому не успеть закончить то, ради чего он, собственно, и терпит весь этот ужас и смрад, именуемый даром бесценным, но совершенно случайным. Однако некоторые умудряются забежать далеко, а другие оскальзываются при первом же шаге. Как выбирает нас судьба, почему отмеряет такой отрезок существования? Почему ты выжил, а друзья твои нет? Вопрос, как говорили у нас на экзаменах, — «на засыпку». Но отвечать нужно искренне, хотя даже и себе одному...

Туча треснула, когда троллейбус съехал с Тучкова моста. Та самая туча, что догоняла нас с утра, медленно наползая на город с юго-запада, от залива, от Маркизовой лужи: огромная, угрюмая и лохматая — пепельные космы мотались на ветру, задевая за шпили. Я помню, что, только увидев ее, сказал им — будет нам плохо. Но эта парочка лишь подняла меня на смех: «Быть в Питере и бояться дождя — значит не жить вовсе». Но мы уже смотались с лекции, удрали под самым носом профессора Березкина. Все получилось спонтанно, как слишком часто происходило в моей не слишком обустроенной жизни. Мы уселись, как обычно, втроем, забрались подальше вдоль длинных столов, выстроенных от двери к окну. И тут Мишка отвернулся от доски, от Елены, уставился сквозь запыленное стекло на верхушку березы, уже подкрашенную красным и желтым.

— А что мы здесь делаем? — спросил он неожиданно громко.

— В самом деле, что? И зачем? — протянула ему в унисон Лена. — Боря, а ты?

— Люди — как вы, так и я.

Пока мы протискивались к выходу, прозвенел уже второй звонок, а мне еще пришлось вернуться от двери за оставленной книжкой. Я выложил ее из сумки, рассчитывая поглядывать на страницы одним глазом, пока Береза будет выписывать на доске длиннющие преобразования, разложенные по координатам Евклидова мира. Я вернулся на место, схватил томик мышинного цвета и заторопился обратно. Но кто-то

спросил, и я зачем-то ответил... и тут Мишка завопил: «Идёт!» А может быть, он крикнул «Идиот!»; я не понял, но побежал. Прямо по длинному столу, протянувшемуся поперек аудитории, прыгая через конспекты, учебники, ручки, карандаши, зеркала.

Разумеется, едва я высунул нос на площадку, как тут же увидел профессора. Он выворачивал из коридора, и я вдруг сдуру машинально поздоровался первым. И он, кажется, кивнул мне ответно, и даже приоткрыл рот, словно собираясь о чем-то спросить. Но тут этот слон Смелянский дернул меня за рукав, и мы ссыпались по ступенькам, единым духом на два пролета сразу. Ладно, подумал я, не беда. Березкин — лектор плохой, мужик туповатый, но человек безобидный. Так, во всяком случае, представлялось нам до экзамена. Но так ли, иначе ли, однако сессия маячила где-то далеко впереди, а солнце стучало в стекло, и Лена ждала нас у гардероба...

Первым делом мы добрались до «Гренады». Сейчас я увидел бы в этом зале только замызганную пивную. Но тогда она представлялась нам чуть ли не преддверием рая, тайным обещанием взрослой свободной жизни. Три пол-литровые кружки мутной, разбодяженной жидкости, блюдце с брынзой, блюдце с солеными сушками, которые могли раскусить только наши молодые острые зубы. Ну конечно же, разговоры — обо всем, ни о чем, но, главным образом, — о себе. Полтора часа за столиком промелькнули гораздо быстрее, чем те же девяносто минут на лекции. Впереди были еще две пары, но возвращаться в институт казалось уже совершенно глупым.

Мы прогулялись по Тихорецкому, по Политехнической улице. Когда проходили мимо физтеха, мимо Большой Конторы, Мишка почтительно поздоровался с бюстом папы Иоффе.

— Придет час, наступит день, — объявил он торжественно, — и я буду раскланиваться с ним каждое утро...

От площади Мужества мы проехали на трамвае «девятке». Выскочили на Невском и пошли направо, к Садовой. Прогулялись до Думы, свернули по Перинной линии, вышли по Ломоносовской на Фонтанку, затем на Сенную, и так кружили и кружили, пока не проголодались. А тогда решили поехать ко мне обедать. Мать была на работе, и моя комму-

нальная квартира обещала быть свободней, чем их отдельные. Подождали «рогатик» с первым номером и втиснулись в душный салон.

Однако гроза собралась нешуточная. Даже жужжащие пассажиры в троллейбусе умолкли, когда туча накрыла нас сразу после моста. Вдруг мигом потемнело за окнами, и ветер резко хлестнул горстями пыли по стеклам. Но мостовая еще была суха, а мы уже проскочили мимо стадиона, и я понадеялся, что удастся добраться вовремя. И тут-то небо и треснуло, обрушилось на нас, зажатых в железной коробке, в узком ущелье Большого проспекта. Через головы стоящих на подножке, в открытые створки дверей я видел, как хлещет вода по асфальту, срываясь с карнизов, извергаясь из водосточных труб. До моего дома было минут семь, но даже после такой пробежки нас нужно будет еще час выжимать и выкручивать. А как раз напротив остановки я знал небольшую и уютную кофейню. Только троллейбус затормозил, гром опять протрясся над нашими головами, и мы нырнули вперед, прямо в эти струи, тут же пробившие наши легкие курточки. Проскакали три ступеньки вверх и — еле втиснулись в тамбур.

Очередь извивалась меж столиков, раздваиваясь где-то впереди между ближней и задней стойками. Люди стояли мрачно и плотно, плечо к плечу, бедро к бедру. Я попробовал посчитать головы и сбился. В такой знатной компании мы определенно могли переждать грозу и даже дожждаться следующей. А времени и в те годы у нас было еще меньше, чем денег. Но я от рождения жил на Петроградской и всегда знал, что в любом месте встречу парочку знакомых где-нибудь неподалеку от кассы. Но в этот день поначалу мне не везло. Как написал Пончо несколько позже, стояли сплошняком чужие, сидели тоже не свои. Я прошел вдоль очереди, в дальний зал, никого не увидел. Повернул было назад, и тут он меня и окликнул. Голос я не узнал поначалу, то есть вроде бы не опознал, но почему-то загорелась шея, будто по ней провели вафельным полотенцем. Вернулся, еще раз отсканировал кишашую массу и на этот раз высмотрел-таки знакомую личность. Даже слишком знакомую.

— Здравствуй, Граф! — сказал я.

Он сидел в углу у окна, один-одинешенек в этой толпе. Другие стулья увели за соседние столики. Впрочем, он всегда ухитрялся оставаться один в самой тесной компании. Откинулся на спинку, сложил руки крестом и рассматривал меня исподлобья, словно взвешивая и оценивая. Голову же клонил набок больше по привычке. Спокойнее ему было чувствовать левое плечо у подбородка. Естественней и привычней. На столешнице стояли стаканчик с кофе и блюдечко с недоеденным пирожным. Он всегда хорошо держал вес и позволял себе побаловаться сладким. Еще лежал блокнот: закрытый и заложенный простой шариковой ручкой.

Смутившись от неожиданной встречи, я выбрал глупейший вопрос из всех возможных:

— Чем занят?

И тут он расхохотался. Беззвучно распахнул пасть, только показывая, что получил удовольствие.

— Ну ты спросил! Не видишь — трамвая жду. Подсаживайся, будем ждать вместе.

— Я не один.

— Зови всех...

Он сразу сделал стойку на Елену. Я заметил это по тому, как живо он вытянулся, выскользнул из-за столика, пропуская ее на свое место. Он всегда интересовался девочками, и они вешались на него, как на новогоднюю елку. Там, на службе, он наверняка изголодался по «общению»: когда-то мы называли это действие именно так. Но прошло уже несколько месяцев после дембеля, и весь Большой проспект, вся Петроградская сторона были к его услугам. Зачем же ему еще одна, да к тому же чужая?..

Вдвоем с ним мы протиснулись к стойке и принесли четыре чашечки кофе. Я остался с ребятами, а Сергей снова нырнул в толпу. Он входил в нее без усилий, и она пропускала его без сопротивления, но тут же мягко смыкалась, не оставляя следа... Вернулся с бутылкой и стаканами. Три, составленные один в один, держал в руке, четвертый звякал на горлышке.

Мы с Мишкой полезли в карман за деньгами, но он укоризненно покачал головой. Мол, не суетитесь, друзья, еще все впереди. Да, ему очень понравилась Лена, и он собирался

задержать нас как можно дольше. Но мне это было тоже на руку. Я хотел объясниться с ним, разобраться в прошлом: разложить и расчислить. Мне казалось, что на людях нам обоим говорить будет удобнее и легче. Тогда мне почему-то мерещилось, что у меня уже есть прошлое... Лена сидела на стуле, мы втроем пристроились на подоконнике. Сергей разлил, я передал порцию каждому. Граф поднял стакан, салютуя компании, и подмигнул мне: «Со свиданьем!..»

III

В тот вечер, помнится, мы просидели в кофейне достаточно долго... Да, дорогая, именно здесь, где вы теперь командуете кофейными чашечками, креманками для мороженого да стаканами сухого и кислого. И хорошо, что посетители сейчас лишь пробегают. А то кому бы я выворачивался до дынышка, распутывал сложную часть моей жизни... А двадцать лет назад мы просиживали здесь часы, если не сутки...

И тогда разболтали одну бутылочку, взяли другую, и разговор побежал живее... О чем говорили? Как всегда в молодые годы — о жизни и о себе. А если уж совершенно точно — о себе в этой жизни... Толпа рассосалась, Лена с Мишкой переместились на свободные стулья, утащив их из-за соседнего столика. Я остался на подоконнике... Когда вышли на улицу, было совсем темно. Туча давно ушла, утащив за собой и дождь: капало только с крыш и карнизов. Уже зажгли фонари и витрины; лужи на тротуаре поблескивали отраженным светом. От двери Сергей повернул налево, и я со смешком окликнул его, вдруг спяну решив, что он ошибся азимутом.

— Ты же там! — И махнул рукой туда, где, как мне казалось, должен стоять Кировский мост.

— Жил, — коротко бросил он через плечо.

Мы потянулись в сторону Тучкова моста.

Большой проспект и днем похож на ущелье, сложенное из кирпича и асфальта. А в темноте крыши и верхние этажи вовсе сливаются с черным небом, и даже окна мерцают тускло, словно свет от них доходит к прохожему через десятилетия.

Я не люблю пялиться вверх, предпочитаю смотреть на уровне своего роста. Мне нравится разглядывать окна первого этажа, может быть, второго, иногда — третьего. Интересно наблюдать тени, пляшущие на шторах, забавно бывает воображать себе людей,двигающихся по комнате, придумывать их разговоры, их жизни... Я не поэт, избави бог, в жизни не сочинил и двух рифмованных строчек. Но мне любопытна жизнь, не только своя, но и чужая.

Я понял, что Граф поменял место жительства, но еще не понимал — куда и зачем. И потянулся вслед ему из чистого интереса, хотя чувствовал, что пора уже отбиваться от компании и поворачивать в сторону дома. Тем более что идти было всего ничего, только перебежать улицу Ленина и проскочить вдоль Матвеевского сада. Но, как говорят англичане, любопытство сгубило кошку, и куда же было тут деваться Борбычку? Никогда не любил выпивать с утра, и Кириллу, когда придет срок, закажу крепко-накрепко. Вечерние пьянки развиваются естественно, по отработанному плану. Понятно, что гудим, ясно — зачем, и очевидно, что где-то в обозримом будущем придется остановиться. Хотя бы и за полночь, хотя бы под утро. Но разгул, начавшийся в середине дня, совершенно непредсказуем. Есть силы, которые хочется тратить, время, которое некуда девать, хорошие люди, с которыми жаль расставаться. Если же не хватает денег, их можно и призанять. А чем отдавать — об этом подумаем завтра... В «кофейне» Сергей давно считался «своим», а потому получал вино в долг и навынос. Мы затарились десятком бутылок «Саэро», того самого, что попробовали за столиком. Белое, кислое, но даже по тем временам невероятно дешевое. Я-то считал, что взяли с перебором, но оба верзилы от меня отмахнулись. «Еще пойдут люди», — бросил Граф, даже не обернувшись.

Они шли впереди, оторвавшись на несколько шагов. И роста им хватало, чтобы унести головы от асфальта далеко за сто восемьдесят, и разворота плеч. Только у Сергея ноги начинались сразу от грудной клетки и несли его легко и свободно. Мишка, тяжело топтавший рядом, казался громоздким и неуклюжим. Лена молчала, и я ее не теребил, понимая что она разглядывает и сравнивает их обоих. За одного она

собиралась замуж, долго собиралась, почти два года; другого и знала-то несколько часов.

Никогда не понимал, как женщина делает выбор: считает ли она достоинства и недостатки, ищет оптимальный вариант или же вдруг в долю секунды осознает, что ей нужен именно этот мужик и никакой другой. И не мозгом она схватывает, а совсем другой частью тела... Но это, наверное, перехлест. Хотя, видите сами, как трудно отпускает нас прошлое. Минуло уже двадцать лет, а я все еще полон тогдашней злостью. Шли мы недолго, но я быстро продрог от сырости, начал трезветь, да к тому же тащил тяжеленную сетку. Наши богатыри зацепились языками, еще отходя от стойки, и бутылки остались мне. Правда, в придачу еще и Лена, вроде как премия за сверхурочный труд. Но это так, временно, на четверть часа, пока не доберемся до места. Я всегда знал, что играю только во второй, низшей лиге.

С Большого мы свернули налево, на Лахтинскую, узкий, короткий проезд, уже совсем лишенный и света, и воздуха. Но, не дойдя до Большой Пушкарской, Граф потянул нас в сторону, в огромный подъезд, по пещерному гулкий и темный. Откуда-то сверху, с потолка, если он там был, свешивалась голая лампочка, едва высвечивая выбоины в цементном полу. Помню, что мне ужасно досаждала ноша. Она не была уж так непосильна, но летом я повредил плечо — задело бадьей с раствором, которую нам подавал на крышу кран, — и теперь оно тупо саднило при любой нагрузке. Я перехватил сетку левой рукой и хотел было спросить, на какой же этаж нам тащиться. Но Сергей прошел мимо лестницы, дальше, в темноту, куда электричество не достигало вовсе. Мы последовали за ним, уже сбившись кучнее. Но тут заскрипела едва заметная в потемках дверь, и мы вывалились в следующий двор.

Попали не в непонятное, но уже совершенно не ленинградское, а петербургское. Крошечный асфальтовый пятачок, сдавленный с четырех сторон стенами; три освещенных и одна, как раз за нашими спинами, совершенно глухая. Кладка тянулась бесконечно вверх. Хотя в домах и было всего пять этажей, но из-за того, что они стояли так близко, стены эти давили на мозг нестерпимо. Я чувствовал, что они непременно должны